

**В ПОИСКАХ
АНТИЧНОГО
БОСПОРА**

К 150-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. И. РОСТОВЦЕВА

Том II

The State Hermitage Museum
Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences
The Archive of the Russian Academy of Sciences, the Saint Petersburg Branch
The State Historical and Cultural Museum-Reserve of the Moscow Kremlin Museums
The Library of the Russian Academy of Sciences
Russian Geographical Society (the Saint Petersburg Headquarters)

IN SEARCH OF THE ANTIQUE BOSPORUS

On the 150th
ANNIVERSARY
OF MIKHAIL ROSTOVTSEFF

Exhibition Catalogue

Volume II

SAINT PETERSBURG
The State Hermitage Publishers
«Tabula Rasa» Publishers
2023

Государственный Эрмитаж
Институт истории материальной культуры Российской академии наук
Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук
Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль»
Библиотека Российской академии наук
Русское географическое общество (Штаб-квартира в Санкт-Петербурге)

В ПОИСКАХ АНТИЧНОГО БОСПОРА

К 150-летию
СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. И. РОСТОВЦЕВА

Каталог выставки

Том II

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
Издательство Государственного Эрмитажа
Издательство «Чистый лист»
2023

Раздел 2

ВРЕМЯ РОСТОВЦЕВА

ПОРТРЕТ УЧЕНОГО НА ФОНЕ ЭПОХИ

Е. А. Савостина

М. И. Ростовцев и Боспор: судьба идей. Об истоках и генезисе интеллектуальной истории Скифии и Боспора 12

И. В. Тункина

М. И. Ростовцев в системе академических коммуникаций конца XIX — начала XX века 23

«ПОЖЕЛТЕВШИЕ ЛИСТЫ СИИ ДРАГОЦЕННЫ»

Е. Ю. Басаргина, Е. Г. Панкратова

Документы из личного фонда М. И. Ростовцева в СПбФ АРАН 38

М. В. Медведева

Античная декоративная живопись Боспора в рисунках и фотографиях XIX — начала XX века из собрания Научного архива ИИМК РАН 42

Е. Д. Блащук, В. Б. Жижина-Гефтер

«Вместилище всякой мысли и слова». Комментарий к книжным экспонатам выставки 48

КАТАЛОГ (Кат. 266–327)..... 51

СТРАНИЦЫ БОСПОРСКОЙ АРХЕОЛОГИИ РУБЕЖА СТОЛЕТИЙ

Ю. А. Виноградов

О расписных гробницах Пантикапея 122

Ю. А. Виноградов

Росписи Стасовского склепа 126

Ю. А. Виноградов

Росписи склепа Сорака 129

М. В. Медведева

Императорская археологическая комиссия и судьба склепа Деметры 132

В. А. Горончаровский

Львиный курган 143

А. М. Бутягин

Погребение 1837 года с золотой маской 149

А. А. Еремеева

Некрополь Нимфея римского времени. Катакомба с рельефами 153

А. А. Еремеева

Архитектурный декор жилой застройки Пантикапея в исследованиях М. И. Ростовцева и К. Е. Думберга 157

КАТАЛОГ (Кат. 328–382).....161

«СОБИРАЕМ РАССЕЯННОЕ...»

Ю. А. Виноградов

Граф А. А. Бобринский 224

О. В. Горская

Юлиус Лемме. Заметки о жизни коллекционера XIX века 226

Н. К. Жижина, А. В. Кузнецов

Находки из «счастливых рук», саркофаг «от неизвестного лица» и немного о коллекции А. В. Новикова 236

КАТАЛОГ (Кат. 383–448) 245

Раздел 3

ПОСЛЕ РОСТОВЦЕВА

«ПОПРАВИТЬ ВСЕ УПУЩЕНИЯ ПРЕЖНИХ ВРЕМЕН...», ИЛИ ДОЛГАЯ ЖИЗНЬ ВЕЩЕЙ

Н. Л. Павлухина

Мстислав Фармаковский — художник, ученый, реставратор античной керамики 298

Е. М. Андреева

О реставрации памятников боспорской скульптуры..... 308

Н. К. Жижина

Пантикапейские Ниобиды — сто лет спустя 315

Е. В. Могилевская

Боспорские акварельные пелики — художественный феномен периферийного искусства 319

Л. П. Гаген

Опыт реставрации экспонатов с красочным покрытием из собрания Отдела античного мира Государственного Эрмитажа. Краткий обзор 332

Н. А. Васильева, Д. В. Мачулко, А. В. Степанова

Реставрация саркофага с гипсовыми рельефами 344

Н. К. Жижина

Гипсовые украшения деревянных саркофагов из боспорских некрополей 355

М. Б. Жервэ

Реставрация гипсовых украшений деревянных саркофагов из боспорских некрополей 364

С. С. Асатурян, Т. А. Сабянина, Д. А. Смирнова

О реставрации памятников графического наследия боспорской археологии ... 368

КАТАЛОГ (Кат. 449–495) 371

ЛЕНИНГРАДСКИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА БОСПОРЕ

М. Ю. Вахтина, Ю. А. Виноградов, В. А. Горончаровский, С. В. Кашаев

Ленинградские экспедиции на Боспоре. ГАИМК — ИИМК / ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН 416

В. А. Хршановский, З. В. Ханутина

Археологическая экспедиция Государственного музея истории религии в Восточном Крыму (1968–1991) 427

О. Ю. Соколова

Нимфейская экспедиция Государственного Эрмитажа 434

А. М. Бутягин

Экспедиции Государственного Эрмитажа на Боспоре 444

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

Литература 450

Переводы античных авторов 499

Архивные материалы 500

Список сокращений 501

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН (составитель С. П. Васильева) 503

В11 **В поисках античного Боспора** : К 150-летию со дня рождения М. И. Ростовцева : каталог выставки : в 2 т. / коллектив авторов ; науч. ред. Н. К. Жижина ; Государственный Эрмитаж, Институт истории материальной культуры Российской академии наук, Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук, Государственный историко-культурный музей-заповедник «Московский Кремль», Библиотека Российской академии наук, Русское географическое общество (Штаб-квартира в Санкт-Петербурге). — СПб. : Изд-во Гос. Эрмитажа ; Чистый лист, 2023. Т. 2. — 528 с. : ил.

ISBN 978-5-901528-95-2 (т. 2)

ISBN 978-5-901528-93-8 (изд-во «Чистый лист»)

Второй том каталога временной выставки «В поисках античного Боспора», посвященной юбилею М. И. Ростовцева, включает разделы, в которых история его жизни и научного творчества в значительной степени отражает историю академического антиковедения в России последних десятилетий XIX — начала XX века и роль этого выдающегося ученого в российской классической археологии. Помимо этого, читатель знакомится с ранее не публиковавшимися коллекционными материалами из раскопок и частных собраний, хранящимися в собрании Эрмитажа, и их реставрационной историей.

Каталог предназначен как специалистам — археологам, искусствоведам, историкам, архивистам, так и широкому кругу заинтересованных читателей.

УДК 94(395)+902(47)«19»

ББК(Т)63.4+(Щ)85.103(2)1

Научное издание

В ПОИСКАХ АНТИЧНОГО БОСПОРА

К 150-летию
со дня рождения
М. И. Ростовцева

Каталог выставки

Том II

Редактор
О. Н. Нечипуренко
Редактор английского текста
Ю. Р. Редькина
Корректор
Т. А. Румянцева
Цветокоррекция:
И. В. Бондарь

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ЭРМИТАЖ
The State Hermitage Museum

ЧИСТЫЙ ЛИСТ TABULA RASA

Подписано в печать 28.07.2023.
Формат 60 × 100/8. Бумага мелованная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 73,33.
Тираж 1000 экз.

Издательство Государственного Эрмитажа
190000, Санкт-Петербург, Дворцовая наб., 34

Издательство «Чистый лист»
E-mail: tabularasa_2000@mail.ru

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «НП-ПРИНТ». 197110, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ, ЧКАЛОВСКИЙ ПР., Д. 15

ЛЕНИНГРАДСКИЕ ЭКСПЕДИЦИИ НА БОСПОРЕ

М. Ю. ВАХТИНА
Ю. А. ВИНОГРАДОВ
В. А. ГОРОНЧАРОВСКИЙ
С. В. КАШАЕВ

ГАИМК — ИИМК / ЛОИА АН СССР — ИИМК РАН

После Октябрьской революции 1917 года в истории отечественной археологии начался новый этап. В апреле 1919 года была создана Российская (позднее Государственная) Академия истории материальной культуры (РАИМК / ГАИМК), нацеленная, прежде всего, на изучение памятников древних и средневековых культур. Перестройка работы учреждения на марксистский лад была начата с конца 1929 года, а в 1930 году в Академии прошла «чистка», закончившаяся увольнением некоторых сотрудников, которых признали социально чуждыми. В таких условиях развитие боспорской археологии в рамках былой «курганной парадигмы» стало абсолютно невозможным. Советское руководство ставило перед археологами задачу перехода к изучению материального производства древних обществ, культуры эксплуатируемых масс и т. д. Актуальными стали систематические, планомерные раскопки древних городищ, сельских поселений и рядовых некрополей¹.

Важным шагом в этом направлении стало создание в 1930 году Таманской экспедиции ГАИМК, которую возглавил А. А. Миллер². В ее рамках было решено провести комплексное обследование Таманского полуострова, в ходе которого зафиксировать все археологические памятники, относящиеся к доисторической эпохе, железному веку, периоду Античности и Средневековья. В 1930 году были проведены разведочные исследования полуострова, которые предполагалось продолжить в 1931–1933 годах и создать археологическую карту района. Одновременно с этим планировалось провести раскопки в Тамани (городище Тмутаракань — Гермонасса), а также в Фанагории, хотя на последнем городище уже работала экспедиция Государственного музея изобразительных искусств³. Основным объектом раскопок, однако,

была признана Тамань; в 1931 году на этом городище планировалось предпринять изучение средневековых слоев, в 1932 — сосредоточиться на раскопках римских и эллинистических напластований, а в 1933 — классических и архаических⁴. Такая задача, конечно, созвучна лозунгам тех лет типа «пятилетку в четыре года», но сейчас она выглядит фантастичной. Тмутаракань — Гермонассу за три года изучить невозможно, даже в первом приближении. Впрочем, руководство Таманской экспедиции это прекрасно понимало и рассчитывало на продолжение систематических исследований на долгий срок, но надежды, к сожалению, не оправдались. Тем не менее раскопки городища были предприняты и дали свой результат. В 1931 году были также проведены исследования некрополя в Тамани⁵. Большое научное значение имеет составленная в результате разведок экспедиции археологическая карта Таманского полуострова, получившая высокую оценку современных исследователей⁶. В силу целого ряда обстоятельств в 1932 году Таманская экспедиция не смогла провести работы на полуострове; в 1933 году, как известно, А. А. Миллер был арестован, обвинен в антисоветской деятельности и сослан в сталинские лагеря, откуда не вернулся.

В конце декабря 1932 года на заседании Сектора рабовладельческой формации ГАИМК выступили представители Московского отделения Академии — В. Д. Блаватский и Б. Н. Граков. Они говорили о необходимости создания Керченской археологической экспедиции. Потребность в организации такой экспедиции возникла уже давно, а с развертыванием под Керчью масштабного промышленного строительства она стала абсолютно необходимой. Археологи в связи с этим даже выступили с предложением объявить Пантикапей и некоторые другие боспорские памят-

¹ Виноградов 2013-II. С. 165–166.

² О нем см.: Алёшкин 2015.

³ Застрожнова 2019. С. 160 и след.

⁴ Виноградов 2013-II. С. 169.

⁵ Гайдукевич 1959. С. 155–157.

⁶ Паромов 2020. С. 242–243.

ники заповедниками. В общем, идея создания Керченской экспедиции у ленинградцев нашла полную поддержку. В 1933 году Керченская (будущая Боспорская) экспедиция была создана и начала раскопки на городище Тиритака, а также некрополе этого города. Ее начальником был назначен О. О. Крюгер. Раскопки оказались вполне успешными, и в дальнейшем круг исследуемых памятников расширился⁷. В Боспорской экспедиции стала восходить звезда В. Ф. Гайдукевича. В 1934 году под его руководством были проведены раскопки на городище Мирмекий, давшие замечательный научный результат⁸. На следующий год он по существу возглавил Боспорскую экспедицию и руководил ею вплоть до своей смерти в 1966 году. В те годы и позднее археологами ГАИМК, ИИМК АН СССР, ЛОИА АН СССР, ИИМК РАН были проведены масштабные работы на нескольких боспорских городищах, некрополях и сельских поселениях. В самой краткой форме результаты этих работ сводятся к следующему.

Тиритака. Городище находится на берегу Керченского пролива, у Камыш-Буруна (пос. Аршинцево)⁹. Оно стало одним из первых памятников, на котором были предприняты раскопки Боспорской экспедиции в 1933 году¹⁰. Большой научный интерес сразу вызвало открытие оборонительных сооружений первых веков новой эры и прилегающего к ним комплекса рыбозасолочных ванн¹¹. Позднее была исследована городская стена III века до н. э.¹² Важнейшее значение имело открытие оборонительных сооружений первой четверти V века до н. э.¹³, возведение которых можно рассматривать как одно из мероприятий объединения Археанактидов, направленных на отражение скифской агрессии¹⁴. Эта стена перекрывала остатки наземных построек, возведенных приблизительно на рубеже VI и V веков до н. э.¹⁵

Полученные материалы позволили Гайдукевичу сделать правильный вывод о том, что экономика Тиритаки, как и других «малых» городов Боспора, базировалась на земледелии¹⁶. Наряду с этим в эллинистическое время Тиритака приобретает значение одного из важных центров боспорского виноделия¹⁷. На городище была открыта винодельня III–II веков до н. э.¹⁸, а также еще несколько подобных комплексов, относящихся к более позднему времени¹⁹. Однако в плане производства вина Тиритака заметно уступала Мирмекию (см. ниже), но явно превосходила его в ином отношении. В первые века новой эры в Тиритаке получил распространение рыбозасолочный промысел. Рыбозасолочные ванны при этом были открыты в нескольких пунктах древнего города²⁰. Остатки огромного специализированного предприятия, находяще-

гося около оборонительной стены в южной части городища, в этом отношении особенно показательны. В его структуру были включены минимум 16 ванн, вместимость которых составляла не менее 210 куб. м²¹. Для изучения местного ремесла важное значение имела находка штампа для производства бляшек с изображением, вероятнее всего, Афродиты²². Результаты многолетних археологических раскопок позволяют считать, что Тиритака была основана в 565–560 годах до н. э.²³ и просуществовала до IV века н. э., пережив таким образом готское нашествие середины III века н. э. *Мирмекий.* Городище, расположенное на северной оконечности Керченской бухты (Карантинный мыс), на протяжении многих лет было одним из главных объектов исследований Боспорской экспедиции (в 1934–1966 годах ими руководил В. Ф. Гайдукевич, в 1982–1994 годах — Ю. А. Виноградов)²⁴. С 1999 года раскопки на памятнике производит Мирмекийская экспедиция Государственного Эрмитажа, которую возглавляет А. М. Бутягин²⁵.

Греческое поселение на Карантинном мысу было основано во второй четверти VI века до н. э.²⁶ В середине столетия в нем произошел крупный пожар, после чего на возвышенной оконечности мыса была построена серия каменных стен, в совокупности образовавших укрепление бастионного типа. Это одно из наиболее ранних фортификационных сооружений Боспора. Самыми ранними жилыми и хозяйственными постройками, выявленными во время раскопок, являются заглубленные в землю конструкции типа полужемлянок. Эти примитивные постройки просуществовали вплоть до конца VI века до н. э., когда все они были засыпаны и на их месте возведены наземные каменные дома вполне греческого облика. В конце первой четверти V века до н. э. Мирмекий подвергся нападению скифов, в результате чего многие постройки были разрушены. После этого в западной части города была возведена оборонительная стена, которая не окружала всей его площади, а лишь отсекала возвышенную часть²⁷. Находки у подножия мирмекийской скалы серии посвятивительных граффити, относящихся к первой половине V века до н. э., позволяют считать, что в этой возвышенной части города находился священный участок²⁸.

Обвод крепостных стен вокруг Мирмекия был возведен в первой половине IV века до н. э., то есть при ранних Спартокидах²⁹. Вызывает некоторое удивление, что строительных остатков IV века до н. э. на городище выявлено совсем немного. Среди них необходимо назвать части зданий, обнаруженные в его западной части. Все они погибли в пожаре во второй четверти

⁷ Виноградов 2013-II. С. 169–170.

⁸ Гайдукевич и др. 1941.

⁹ Гайдукевич 1941-II.

¹⁰ Марти 1941-I; Книпович, Славин 1941.

¹¹ Марти 1941-I.

¹² Гайдукевич 1958-III. С. 151–165.

¹³ Гайдукевич 1952-I. С. 27; Гайдукевич 1952-III. С. 87–89.

¹⁴ Виноградов, Горнчаровский 2009. С. 49.

¹⁵ Гайдукевич 1952-I. С. 23–24; Гайдукевич 1952-III. С. 74–86.

¹⁶ Гайдукевич 1937. С. 225.

¹⁷ Гайдукевич 1947. С. 193.

¹⁸ Гайдукевич 1952-I. С. 35; Гайдукевич 1952-III. С. 27–29.

¹⁹ Гайдукевич 1947. С. 193–194; Гайдукевич 1952-III. С. 35–43, 63–67.

²⁰ Гайдукевич 1937. С. 236–238; Гайдукевич 1940. С. 55; Гайдукевич 1952-III. С. 30–33; Книпович, Славин 1941. С. 52–55; Марти 1941-I. С. 20–24; Марти 1941-II.

²¹ Гайдукевич 1937. С. 237; Марти 1941-I. С. 20.

²² Марти 1941. С. 44–46; Гайдукевич 1949. С. 119. Рис. 14.

²³ Зинько 2014. С. 292, 313.

²⁴ Гайдукевич 1941-I; Gajdukiewicz 1959; Виноградов 1987; Виноградов 1992; Виноградов 2010-I.

²⁵ Бутягин 2014-II. С. 111.

²⁶ Виноградов 2008.

²⁷ Виноградов 1992. С. 106–107;

Виноградов, Тохтасев 1994.

²⁸ Виноградов, Тохтасев 1998.

²⁹ Гайдукевич 1947. С. 203; Гайдукевич 1952-II. С. 138–143.

этого столетия. Под рухнувшей кровлей сохранились завалы битой посуды — амфор, столовой керамики, чернолаковых и краснофигурных сосудов³⁰.

Расцвет жизни в Мирмекии приходится на период эллинизма (III—II века до н. э.). Город был компактно застроен крупными многоквартирными зданиями. Происходит важная перемена в его экономике — открытые во время раскопок винодельни позволяют утверждать, что Мирмекий стал важным центром боспорского виноделия³¹. На это же время приходится формирование грандиозного мирмекийского зольника (так называемого зольника II)³². Подобные сооружения получили большое распространение на Боспоре (Китей, Илурат, многие сельские поселения), известны они и в Скифии. Не исключено, что зольники следует рассматривать как одно из проявлений варварского влияния на культуру боспорских греков.

Мирмекий сильно пострадал во время владычества на Боспоре Митридата VI Евпатора. Археологические материалы позволяют считать, что во второй половине I века до н. э. город был оставлен жителями и лежал в руинах. Жизнь здесь начинает возрождаться приблизительно на рубеже эр, и в I—III веках н. э. достигает весьма высокой степени развития. Особенностью культуры Мирмекии этого времени является отсутствие, во-первых, сплошной компактной застройки, а во-вторых — единой оборонительной системы. По всей видимости, поселение тогда состояло из серии очень крупных зданий, в структуру которых входили жилые, хозяйственные и складские помещения. Ни в коем случае нельзя забывать и то обстоятельство, что в скале на Карантинном мысу был вырублен большой склеп, в котором обнаружен великолепный мраморный саркофаг, украшенный рельефами³³. Почти нет сомнения, что это погребение принадлежало одному из боспорских царей третьей четверти II века н. э.

Илурат. В конце 1940-х — начале 1950-х годов было положено начало регулярным раскопкам новых, ранее не исследовавшихся боспорских городов. Прежде всего, это коснулось городища у деревни Ивановка в 17 км к юго-западу от Керчи. В. Ф. Гайдукевич, руководивший его изучением в 1948—1966 годах, пришел к выводу, что наиболее предпочтительна локализация на этом месте Илурата, упоминаемого в «Географии» Клавдия Птолемея (*Ptol. Geog.*)³⁴. Проведенные тогда планомерные раскопки затронули четыре участка, в том числе зольник за юго-восточными воротами крепости. На основании изучения массового материала было установлено, что крепость возникла около середины I века н. э. и просуществовала более

двухсот лет, до 60-х годов III века н. э.³⁵ В итоге было получено первое представление об оборонительной системе Илурата, организации внутреннего пространства городского поселения и особенностях материальной и духовной культуры ее населения³⁶. На всем тут лежал отпечаток своеобразной варваризации, что в той или иной степени вообще присуще культуре Боспора первых веков н. э. Это в полной мере демонстрировало обилие использовавшейся в быту лепной посуды и находки, имевшие отношение к сфере религиозных представлений. Очень показателен в этом отношении представленный на глиняном штампе для изготовления культовых лепешек образ почитавшейся здесь богини, владычицы животного и растительного мира, где она предстает как олицетворение мирового древа с распростертыми руками в виде растительных побегов. Другим ярким примером является открытое у юго-восточной оборонительной стены святилище с остатками человеческого жертвоприношения³⁷. Главным итогом этого периода следует признать открытие на большой площади практически единовременных строительных остатков II—III веков н. э., дающих полноценную картину жизни гарнизона крепости.

Следующий этап в археологическом изучении Илурата связан с именем И. Г. Шургая, проводившего раскопки городища с 1968 по 1981 год и сделавшего важные открытия в отношении планировочной структуры Илурата и центральных жилых кварталов. В одном из домов благодаря хорошо сохранившемуся слою сгоревших перекрытий впервые удалось четко разделить находки с первого и второго этажа. Здесь же было обнаружено небольшое домашнее святилище с алтарем³⁸, а на противоположной стороне улицы — единственный пока специализированный производственный комплекс винодельни³⁹. Очень ценные материалы дал полевой сезон 1981 года, когда на крутом северо-восточном склоне городища были случайно обнаружены остатки башни и ранней оборонительной стены I века н. э. из рустованных квадров известняка, а во впадине у основания скалистого плато под северной башней было вскрыто устье потайного колодца с ведущим к нему подземным ходом⁴⁰.

Дополнительная информация об оборонительной системе Илурата была получена в ходе работ 1984—2000 годов под руководством В. А. Горончаровского. Как показали шурфы, заложенные на трассе подземного хода, он был вырублен в виде траншеи прямо на поверхности покатого склона и спускался к колодцу несколькими пологими маршами, имевшими глинобитный пол. Раскопки еще одной впадины

³⁰ Виноградов 1992. С. 108–109; Чистов 1999; Бутягин, Чистов 2005. С. 135.

³¹ Гайдукевич 1958-I; Гайдукевич 1966.

³² Гайдукевич 1965; Гайдукевич 1987. С. 70–98; Виноградов 1992. С. 110–113.

³³ Бутягин, Виноградов 2016.

³⁴ Гайдукевич 1950. С. 203 и след.; см. также: Зубарев 1998. С. 117.

³⁵ Гайдукевич 1958-II. С. 29, 140.

³⁶ Горончаровский 2006-I. С. 179 и след.

³⁷ Гайдукевич 1958-II. С. 43–46. Рис. 31.

³⁸ Шургая 1986. С. 217–222.

³⁹ Горончаровский 1985. С. 89–92.

⁴⁰ Горончаровский 2006-II. С. 122–124.

у подножия скального плато, приблизительно на трассе главной продольной улицы крепости, позволили обнаружить на глубине пяти метров часть кладки второго колодца, также связанного с крепостью подземным ходом. С внешней стороны самой мощной юго-западной стены исследовался участок рва, выдолбленного в скале на глубину полтора метра. Расположенные на этой линии обороны единственные сохранившиеся ворота крепости фланкировались выступавшими на два метра пилонами, что позволяло сузить перемычку на линии рва и создать тем самым дополнительные трудности для атакующего противника. На северо-западном склоне городища, за пределами оборонительной стены, была выявлена полоса жилой застройки, возведение которой не ранее 30-х годов III века н. э. стало заключительным этапом в развитии фортификационной системы Илурата. Выявленные остатки закладов узких проходов между возведенными тут домами показывают, что их легко можно было превратить в своего рода передовое укрепление, а в случае серьезной опасности отступить через калитку на основную территорию крепости. В 2013 году совместной экспедиция ИИМК РАН, Керченского историко-культурного музея-заповедника и Торуньского университета (Польша) удалось обнаружить подвергшийся перестройке на рубеже II и III веков н. э. восточный угол крепости в виде вынесенного вниз по склону холма полукруглого бастиона⁴¹.

Относительно финального этапа существования Илурата интересные наблюдения были сделаны в ходе раскопок ряда илуратских домов, которые показали, что в начале второй половины III века город пережил мощное землетрясение и перестал быть опорным пунктом на западных подступах к столице государства, Пантикапею⁴². Окончательно жители покинули крепость вскоре после 267 года н. э., о чем свидетельствует находка клада из 66 боспорских биллоновых статеров⁴³.

Порфмий. Исследования конца 1940-х — начала 1950-х годов неизвестных ранее греческих поселений Боспора предшествовали расцвету в изучении античных колоний региона, который приходится на 1960–1980-е годы. К интереснейшим памятникам, включенным в сферу деятельности ленинградских археологических экспедиций в послевоенное время, принадлежит «малый» боспорский город Порфмий (*греч.* Πορφμίον). Название его происходит от греческого слова πορμίος — «переправа». Следует сказать, что еще П. Дюбрюкс, обследовавший окрестности Керчи в 1820-е годы, пытался определить местоположение этого древнего поселения и полагал, что оно находилось на восточной

оконечности мыса Фонарь, недалеко от Маяка (близ современного поселка Глейки)⁴⁴. Некоторые исследователи приняли эту локализацию⁴⁵. Однако сейчас большинство из них считает, что Порфмий располагался чуть западнее — к северо-востоку от Керчи, на западной окраине современного поселка Жуковка. Древний город был основан близ переправы, с древнейших времен связывавшей нынешние Крым и Прикубанье. Неподалеку проходил еще один важный водный путь — из Черного моря в Азовское. Впервые городище обследовал в 1950 году и отождествил с Порфмием, о котором упоминают античные письменные источники, замечательный знаток достопримечательностей Керчи и ее окрестностей инженер и общественный инспектор по охране памятников В. В. Веселов⁴⁶. Систематические исследования Порфмий (с перерывами) ведутся с 1953 года Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР / ИИМК РАН. Огромный вклад в изучение городища внесла первая его исследовательница Е. Г. Кастанаян (1953, 1971–1984; в 1968 году она руководила раскопками совместно с А. И. Болтуновой). В 1986–1990, 2002–2013 годах работы велись под руководством М. Ю. Вахтиной, а в 2016 — Е. В. Грицик. За годы раскопок были собраны и систематизированы материалы, позволяющие с высокой степенью достоверности воссоздать историю этого «малого» боспорского города.

Порфмий был основан около середины VI века до н. э. на небольшом скальном плато. С его вершины прекрасно просматривались окрестности и дороги, как сухопутные, так и морские, отчетливо виден и другой берег Керченского пролива. Размеры плато во все эпохи определяли и размеры древнего поселения, площадь которого не превышала 0,7 га. С севера, востока и запада к городищу примыкают небольшие равнины с пахотными землями и родниками пресной воды. К югу и юго-востоку в настоящее время располагаются затопляемые водой низины; очевидно, в древности море подходило ближе⁴⁷. Вероятно, Порфмий, как и другие города Боспора, имел гавань — берег здесь удобен для ее строительства. В древности здесь также было удобно переправляться на европейский Боспор с азиатского и путешествовать дальше, двигаясь вдоль побережья в сторону Мирмекия и Пантикапея. Расположенное на этом пути укрепленное поселение, несомненно, служило прекрасным опорно-наблюдательным пунктом. Лучшее всего изучены два периода существования древнего города — архаический и позднеэллинистический.

Во время раскопок поселения были выявлены следы пожаров и разрушений, относящиеся

В литературе,
в полном описании издания
Горончаровский-1 (с. 179–188).
Уточнить страницы

⁴¹ Горончаровский, Ракочи 2017. Р. 81–88.

⁴² Горончаровский 2006-1. С. 129.

⁴³ Фролова, Шургая 1982. С. 91–97.

⁴⁴ Дюбрюкс 2010. Т. 1. С. 276–279.

⁴⁵ Федосеев 1999. С. 61–66; Braund 2018.

Р. 17–19.

⁴⁶ Веселов 1952. С. 227–230; Веселов 2005. С. 14.

⁴⁷ Вахтина, Артюхин 2015. Рис. 2.

к различным периодам его истории. По-видимому, близость традиционных переправ не только приносила определенные преимущества, но и являлась источником потенциальной опасности. Главная угроза исходила от кочевников — в раннее время это были племена воинственных скифов, позже — сарматов. Порфмий первоначально был основан как укрепленное поселение, или же оборонительные стены были возведены вскоре после появления здесь греческих переселенцев. Строительные остатки, относящиеся к VI — первой трети V века до н. э., были выявлены преимущественно в восточной и юго-восточной частях городища, на площади более 400 кв. м. В восточной, южной и западной частях древнего города были обнаружены древнейшие фортификационные сооружения. Лучше всего сохранился цоколь восточной оборонительной стены⁴⁸. Стена в древности шла в направлении С-В — Ю-З по естественному склону плато. Ее основание сложено из крупных известняковых блоков (длиной до 1–1,2 м и шириной до 0,5–0,6 м); на этот нижний ряд кладки были уложены камни меньшего размера, пространство между ними забутовано мелкими камнями. Кладка иррегулярная, рядовая. Максимальная сохранившаяся длина — 12,8 м, высота — 1,2 м, толщина — 1–1,1 м. Судя по сохранившимся развалам, верхняя часть стены была сложена из сырцовых кирпичей. Южный ее конец был пристроен к природным скальным выходам; здесь конструкция имела вид ломаной линии, образуя нечто вроде бастиона. С внутренней стороны стены был сооружен водосток, по которому сточные воды по естественному склону выводились за пределы городища. Ранняя оборонительная стена Порфмий, как и оборонительные стены, открытые в Пантикапее⁴⁹ и Мирмекии⁵⁰, относится к древнейшим фортификационным сооружениям Боспора.

Одна из «лакун» в исследовании Порфмий — отсутствие на сегодняшний день отчетливых данных о жилых комплексах, принадлежавших первым порфмийским поселенцам, строителям укреплений, хотя материалы, относящиеся к начальному этапу существования поселения, происходящие из культурного слоя, достаточно репрезентативны. Складывается впечатление, что заглубленные в землю жилища, так называемые землянки, открытые на многих греческих поселениях Боспора, для Порфмий не характерны. За все годы исследований обнаружены остатки котлована лишь одного заглубленного в землю комплекса архаического периода, границы его были нарушены позднейшими перекопами, поэтому неясно, являлся ли он жилым или хозяйственным сооружением⁵¹.

В южной части города были выявлены фрагменты основания и развалы сырцовых стен, возведенных на древней дневной поверхности. При расчистке этих остатков найдены фрагменты керамики второй половины VI века до н. э.⁵² Таким образом, можно предположить, что «домами первых колонистов» в Порфмий изначально были наземные постройки, имевшие легкие перекрытия.

В самом конце VI века до н. э. Порфмий пережил первую катастрофу — на всей площади, где были выявлены архаические остатки, прослежены следы пожара. Следы разрушений и пожаров позднеархаического времени повсеместно фиксируются на участках, где культурный слой был исследован до материка. Жизнь на поселении восстановилась довольно быстро. На восточном склоне холма, на котором располагался древний город, на площади около 400 кв. м. были выявлены остатки жилой застройки, возведенной непосредственно на слое пожара⁵³. Следы подобной застройки конца VI — начала V века до н. э. были выявлены и на других участках древнего города⁵⁴. Дома состояли из нескольких небольших помещений, основания стен сложены из небольших камней известняка, верхние части были сырцовыми. Такие дома типичны для греческих городов Боспора того времени. Дома позднеархаического периода, возведенные на горелом слое, связанном с какой-то ранней катастрофой, были уничтожены в результате следующей катастрофы, которую город пережил в середине — третьей четверти V века до н. э. — их остатки также перекрыты слоем пожара. Пожары и разрушения, относящиеся к концу первой трети V века до н. э., зафиксированные в Порфмий, находят аналогии и на других памятниках европейского Боспора. Этот период справедливо считается временем дестабилизации, нарушения привычного уклада жизни как на Боспоре⁵⁵, так и во всем Северном Причерноморье⁵⁶, что было связано с обострением отношений с окружающими племенами варваров, прежде всего, кочевников-скифов, и вылилось в непосредственные враждебные действия и набеги, направленные на греческие центры.

Жилые дома и хозяйственные комплексы Порфмий, относящиеся к IV веку до н. э. — времени, которое еще М. И. Ростовцев справедливо считал порой расцвета жизни на Боспоре, совпавшей с расцветом европейской Скифии, — сравнительно немногочисленны. Это объясняется тем, что комплексы указанного периода наиболее сильно пострадали при последующей масштабной перестройке города, речь о которой пойдет ниже. На городище выявлены остатки каменных оснований стен жилых домов вто-

⁴⁸ Вахтина 2009. С. 94–95. Рис. 4–8.

⁴⁹ Толстиков 2017-I. С. 259–262, 267. Рис. 3.

⁵⁰ Виноградов 2008. С. 45.

⁵¹ Вахтина 2017-III. С. 253–256. Рис. 7, 9.

⁵² Там же. С. 253. Рис. 7.

⁵³ Там же. С. 246–247. Рис. 1.

⁵⁴ Там же. С. 252–255. Рис. 8, 9.

⁵⁵ Виноградов 2005. С. 239 и след.

⁵⁶ Виноградов, Марченко 1991. С. 149–151; Алексеев 2003. С. 194–196, 208 и след.

рой половины IV века до н. э. и хозяйственные ямы. Пока неизвестно ни одного полностью сохранившегося строительного комплекса этого времени. К наиболее выразительным объектам принадлежит монументальный прямоугольный алтарь, сложенный из четырех крупных блоков светлого рустованного известняка (*in situ* сохранились два из них), обнаруженный в центральной возвышенной части города⁵⁷.

В середине — второй половине III века до н. э. город подвергся полной перепланировке и перестройке. На месте старого был возведен так называемый новый город. Городские кварталы сооружались одновременно с оборонительными стенами, по единому плану. Топография и планировка этого «нового города», построенного после единовременной разборки построек более раннего времени и перепланировки всего городища, была изучена Е. Г. Кастанаян⁵⁸. Перепланировка Порфмия, строительство новых оборонительных сооружений, по всей вероятности, были продиктованы, прежде всего, появлением близ границ Боспора новой волны кочевников — сарматов. Новые оборонительные сооружения — стены и башни — предназначались не только для защиты жителей города, но также играли роль важного звена в фортификационной системе Боспора в целом. Не исключено, что глобальной перестройке Порфмия также предшествовал пожар.

Порфмий — это один из самых ранних городо-крепостей позднеэллинистического времени, открытых на Боспоре. Оборонительные стены, частично выявленные по всему периметру города, и его жилые постройки были ориентированы по сторонам света, сложены из крупных, грубо стесанных по фасадам, почти необработанных глыб мшанкового известняка. Стены возводились на бутовом фундаменте высотой 1 м, который иногда выступал за внутреннюю линию стены на 0,30 м. Раскопками раскрыта одна из башен — прямоугольная в плане, размерами 9,97 × 9,0 м. Башня выдавалась за пределы крепостной стены и была расположена в северо-западном углу крепости, чтобы осаждающие город военные части подвергались обстрелу с флангов. Северная и западная ее стены достигали 2 м в ширину, восточная — 1,2 м, южная — 1,5 м. Внутрибашенное помещение имело площадь 26 кв. м. У северной стены башни на вымостке было обнаружено погребение собаки, над которым был насыпан земляной холмик, обложенный мелким бутовым камнем. Вход в башню находился в ее южной стене. В. П. Толстиков предложил вариант реконструкции башни и примыкающих к ней сооружений⁵⁹.

Жители эллинистического Порфмия, небольшо-

го военного поселения, занимались земледелием, скотоводством, охотой, рыболовством. Близость к переправе через Керченский пролив также, вероятно, приносила определенные преимущества — порфмийцы могли участвовать в работах по ее обслуживанию, а само поселение — играть роль перевалочного пункта. Обследования территории за пределами городских стен также дали интересные результаты. На равнине, окружавшей город, к северу и востоку выявлены следы небольших сельскохозяйственных усадеб III–II веков до н. э. Остатки одной из них были раскопаны в 1988 году к востоку от поселения⁶⁰. К западу от города с 2004 года исследуется участок эллинистического некрополя⁶¹. Захоронения здесь начали совершаться с конца IV века до н. э., большинство комплексов датируется III–II веками до н. э. Выявлены различные типы погребальных сооружений: простые грунтовые ямы, ямы, имеющие перекрытия из каменных плит, и каменные склепы. Склепы, сложенные из крупных, грубо обработанных плит известняка, имели земляной вход-дромос в западной части. Они содержали повторные захоронения и, по-видимому, служили семейными усыпальницами состоятельных горожан. Обряд погребения греческий, характерный для боспорских городов, хотя и имеет ряд местных особенностей. Одна из них — часто встречающиеся находки бронзовых боспорских монет, вероятно, игравших в обряде роль «обла Харона». Порфмийский некрополь подвергался ограблениям еще в древности. Предметы из погребений, найденные во время раскопок, прежде всего, в каменных склепах (керамика, терракотовые статуэтки, бусы), свидетельствуют о богатстве и разнообразии погребального инвентаря, который отражает благосостояние жителей, принадлежавших к верхушке городского общества.

Порфмий прекратил свое существование вскоре после середины I века до н. э., когда необходимость в укрепленном поселении в районе Керченского пролива, по всей вероятности, отпала. Следов пожаров, катастроф и каких-либо потрясений для этого времени не зафиксировано. Вероятно, жители просто оставили город. Возможно, одной из причин ухода было изменение береговой линии и обмеление моря вблизи поселения.

Парфений. К открытым в послевоенные годы греческим поселениям Боспора принадлежит и Парфений (*греч.* Παρθένιον). Название города, о котором упоминает «отец географии» Страбон (Strab. VII. 4.5), вероятно, происходит от греческого слова Παρθένος — «дева». Это позволяет предполагать существование на поселении культа, а возможно, и храма или святилища,

⁵⁷ Вахтина 2013.

⁵⁸ Кастанаян 1969; Кастанаян 1971; Кастанаян 1972-II; Кастанаян 1975; Кастанаян 1983.

⁵⁹ Tolstikov 1998. P. 226. Fig. 23.

⁶⁰ Вахтина 2002.

⁶¹ Vakhitina, Stolyarenko 2019.

посвященного женскому божеству — Афине или Артемиде. Античный Парфений соотносят с поселением, расположенным к северо-востоку от Керчи, на северной окраине поселок Опасное. Город, очевидно, был важным звеном в «цепочке» греческих поселений, располагавшихся к северу и востоку от столицы государства. Парфений занимал участок невысокого плато площадью 3,5 га с обрывистым восточным склоном, которое выдается небольшим мысом на юго-восток, в низменную часть пересыхающего Целимберного лимана. Поселение было открыто в 1948 году В. В. Веселовым⁶² и в 1949-м обследовано Боспорской археологической экспедицией ЛОИА АН СССР (ныне ИИМК РАН), которой руководил В. Ф. Гайдукевич. Археологическая разведка, предпринятая в 1949 году, проводилась под непосредственным руководством Е. Г. Кастанаян⁶³. Судя по фотографиям, хранящимся в Научном архиве ИИМК РАН, объектом внимания экспедиции стал и «зольник» — холм из земли, перемешанной с большим количеством золы, расположенный в юго-восточной части городища. В результате этих разведок и обследований были собраны интересные и значительные по объему материалы V века до н. э. — II века н. э., представленные обломками кровельной черепицы, транспортных амфор, красноглиняной, сероглиняной, чернолаковой, краснолаковой и рельефной эллинистической посуды, лепной керамики. Среди находок имеются также светильники, фрагменты терракотовых статуэток, обломок костяной орнаментированной пластины, кости рыб и домашних животных⁶⁴. Несмотря на находки, показавшие перспективность дальнейших исследований, археологические раскопки Парфения были начаты лишь в начале XXI века. В 2006–2009 годах их вела С. С. Бессонова (Институт археологии НАН Украины), а в 2009–2013 и 2015 годах они проводились под руководством П. Г. Столяренко (Восточно-Крымский историко-культурный музей-заповедник). К настоящему времени исследовано около 400 кв. м площади древнего города⁶⁵. Проведенные изыскания позволили установить, что поселение было основано во второй половине V века до н. э. и просуществовало до первых веков н. э.⁶⁶ В процессе раскопок были выявлены остатки оборонительных сооружений, отнесенные к ранним образцам боспорской фортификации. В юго-западной части древнего города на пологом склоне холма открыт участок кладки основания древнейшей оборонительной стены⁶⁷, сложенной из крупных камней мшанкового известняка и ракушечника. Стена была ориентирована в направлении восток — запад, кладка двухпанцирная, с забутовкой из горизонтальных рядов рваного камня на глиня-

ном растворе. Протяженность открытого участка стены — более девяти метров, ширина — 2,5 м, высота — до 0,6 м (на 1–3 ряда камней). Возведению укреплений предшествовала катастрофа, о которой свидетельствует слой пожара первой трети V века до н. э. В это время, как было сказано, Боспорское государство пережило период нестабильности, связанный с нарушением мирных отношений с окружающими варварами, в первую очередь, с воинственными кочевниками-скифами. Парфений можно отнести к греческим поселениям, пострадавшим от их набегов. После этой катастрофы оборонительные стены города, по-видимому, были построены его жителями в кратчайшие сроки. Вероятно, укрепления предназначались для отражения новых набегов варваров, угрожавших в это время государству Археанактидов. На поселении выявлено более двух десятков хозяйственных ям, содержащих фрагменты керамики и боспорских монет второй половины VI — первой половины II века до н. э.⁶⁸ К более позднему периоду истории города относятся остатки хозяйственного комплекса I века н. э. Открытые раскопками объекты и находки позволяют предположить, что расцвет жизни на поселении приходится на последние века до н. э.

Лабрис (Семибратнее городище). Этот археологический памятник площадью около 9 га расположен в 28 км к северо-востоку от Анапы. Впервые он исследовался В. Г. Тизенгаузеном в 1878 году⁶⁹ и получил свое название по знаменитым Семибратним курганам. Эти курганы были раскопаны им неподалеку от городища, они содержали захоронения представителей правящей династии племени синдов. Планомерные раскопки в северной части городища начались только в 1938 году под руководством Н. В. Анфимова⁷⁰. При этом были открыты остатки крепостной стены начала V века до н. э. с прямоугольными башнями и культурные напластования IV века до н. э. — I века н. э. Разработанная Анфимовым в середине XX века этнокультурная интерпретация Семибратнего городища как синдского города довольно долго оставалась без изменений. Определенные коррективы в нее были внесены благодаря возобновившимся в 2001 году раскопкам городища, ставшего на девять лет основным объектом работ Боспорской экспедиции ИИМК РАН⁷¹. К этому времени, после случайной находки посвящения боспорского царя Левкона I (389/388–349/348 годы до н. э.), стало известно древнее название города, которое можно реконструировать как Лабрис. Надпись повествует о том, что царь посвятил здесь статую Фебу Аполлону, «владыке Лабриса», после сражения с Октама-садом, сыном царя синдов Гекатея⁷².

⁶² Веселов 2005. С. 15.

⁶³ Кастанаян 1958.

⁶⁴ Там же. С. 254–265.

⁶⁵ Столяренко, Кропотов 2016. С. 160.

⁶⁶ Там же. С. 161.

⁶⁷ Столяренко 2013. С. 53–56. Рис. 1;

Столяренко, Кропотов 2016. С. 161.

⁶⁸ Столяренко, Кропотов 2016. С. 162–165.

⁶⁹ ОАК за 1878–1879 гг. С. VIII–IX.

⁷⁰ Анфимов 1941. С. 258–267; Анфимов

1951. С. 238–244; Анфимов 1953.

С. 99–111.

⁷¹ Горончаровский 2004. С. 56–60;

Горончаровский 2009. С. 150–187.

⁷² Тохтасьев 2004. С. 144–156.

Результаты комплексных исследований Лабриса⁷³ связаны, прежде всего, с южной частью городища, точные границы которой были определены в ходе геомагнитной съемки. В данном случае полученная интенсивная аномалия в виде трапеции, очевидно, связана с заполнением рва, образовавшимся в результате обрушения в него сгоревших деревянных конструкций. Утолщения аномалии в нескольких точках, видимо, соответствуют башням. На каждой из сторон «трапеции» имеются разрывы шириной около пяти метров, фиксирующие расположение ворот. Выявлены также очертания нескольких крупных прямоугольных в плане построек. Ранние культурные напластования южной части городища были исследованы в районе внутреннего фаса восточной оборонительной линии. К ней относятся возведенная во второй четверти V века до н. э. прямоугольная проездная башня и пристроенная к ней лестница, от которой сохранились четыре нижние ступени. Внутри башни, вероятно, размещалась постоянная стража, охранявшая вход в город. О долговременном присутствии здесь небольшой группы людей свидетельствует сохранившееся на глинобитном полу горелое пятно от двухкамерного очага прямоугольной формы. Осколки битой посуды, использовавшейся для приготовления пищи, и бытовые отходы выбрасывались за стену, в угол между башней и лестницей.

Единовременное расширение городской застройки в южном направлении могло быть связано с прибытием небольшой группы колонистов, освоивших территорию площадью около 2,5 га, что при средней плотности застройки дает цифру около 130–150 домовладений. Не исключено, что с притоком греческих поселенцев⁷⁴ Лабрис приобрел статус полиса, оставшись подконтрольным племени синдов в лице их вождей. Не позднее начала 60-х годов IV века до н. э. ранние оборонительные сооружения города подверглись разрушению и в дальнейшем были использованы как фундамент для возведения новой фортификационной линии. Внутренний фас ее был вскрыт при зачистке восточного борта раскопа I на высоту 1,6 м. Связь между двумя строительными периодами подчеркнута поворотом стены IV века до н. э. в районе предполагаемых ворот, проем которых шириной около 4 м хорошо читается на геомагнитной карте.

В конце IV века до н. э. оборонительная система Лабриса еще раз пострадала в ходе военных действий и затем была реконструирована только в северной части городища, а в южной — на слое ее разрушения сооружен теменос, исследованный на площади около 250 кв. м⁷⁵. Он находился на самой высокой точке городища,

занимая вершину и склоны небольшого пологого холма высотой около 3 м. Под пахотным слоем здесь были вскрыты остатки ограды священного участка из уложенных в один ряд массивных блоков ракушечного известняка. К югу от нее располагалась частично сохранившаяся вымостка большого двора, на линии которого в ограде был выявлен проем ворот шириной также около 3 м, выделенный с двух сторон массивными каменными плитами. На небольших искусственных террасах, врезанных в покатый западный склон холма, удалось обнаружить два двухступенчатых алтаря и остатки большой прямоугольной постройки с вымосткой из тщательно уложенного мелкого бутового камня.

С изучением различных этапов существования Лабриса связано также исследование раскопанного Анфимовым укрепленного здания эллинистического периода. В ходе работ выяснилось, что фундамент монументальной постройки впущен в слой разрушения первой половины IV века до н. э. На верхней границе его при отсутствии каких-либо строительных остатков зафиксировано только несколько очагов и ям. Исследование более ранних слоев выявило сходную картину, которая позволяет предположить, что часть этой территории вначале использовалась не под застройку, а в хозяйственных целях или как убежище с временными жилыми постройками. Прекращение существования Лабриса как городского центра, скорее всего, следует связывать с военными действиями царя Полемона на Боспоре в конце I века до н. э. Не исключено, что определенную роль в этом сыграло также смещение к северу русла Кубани, ведь процветание города во многом было обусловлено именно речной торговлей, для которой он служил перевалочным пунктом. После этого на территории Лабриса возникло небольшое поселение, но оно было окончательно заброшено уже к началу II века н. э.

Поселение на Змеином мысу. 23 августа 1971 года небольшая группа сотрудников Порфмийского отряда Боспорской археологической экспедиции ЛОИА АН СССР провела обследование на мысу Змеиный, замыкающем с востока Керченскую бухту. Исследователи полагали, что в этом месте находился древний город Гераклий, упоминаемый Страбоном (Strab. XI, 2, 6–8) и Клавдием Птолемеем (Ptol. *Geog.* III, 6, 4). В состав группы входили руководитель отряда Е. Г. Кастанаян, сотрудники Государственного Эрмитажа Н. Л. Грач, О. Я. Неверов и другие. Эти раскопки, несмотря на скромный объем проведенных работ, дали очень интересные результаты. Здесь был заложен разведочный шурф площадью 5 × 5 м, выявивший остатки мощных стен и укреплений I века н. э.⁷⁶ В Фото-

В литературе,
в полном описании издания
Горончаровский, Смекалова, Елисеев 2010
(с. 51–57).
Уточнить страницы

⁷³ Более подробно о результатах геомагнитных исследований см.: Горончаровский, Смекалова, Елисеев 2010. С. 58–62; Горончаровский, Чудин 2013. С. 95–98. О результатах палинологических исследований см.: Горончаровский 2019. С. 227–229.

⁷⁴ Ср.: Каменецкий 2003. С. 71; Вдовиченко 2006. С. 35.

⁷⁵ Горончаровский 2007. С. 185–190.

⁷⁶ Кастанаян 1972-I; Вахтина 2018-II.

В литературе,
в полном описании издания
Каменецкий 2003 (с. 128–129).
Уточнить страницы

отделе Научного архива ИИМК РАН сохранилась серия фотографий, запечатлевших участников группы и открытые объекты. Среди них — общий вид раскопа и сделанные с разных сторон снимки панциря крепостной башни, виды ее южного угла. Действительно, как и полагала Кастанаян, объекты, обнаруженные в 1971 году на мысе Змеиный, можно отнести к фортификационным сооружениям еще одного неизученного «малого» боспорского города. Однако они также могли принадлежать и большой укрепленной усадьбе римского времени, располагавшейся недалеко от Мирмекия. К сожалению, ограниченные «факультативные» раскопки, проведенные на части памятника, разрушаемого береговой абразией, впоследствии не были продолжены.

Мирмекийская усадьба. Одним из первых крупных сельскохозяйственных строительных комплексов, исследованных на Боспоре, стала усадьба, расположенная приблизительно на полпути между Пантикапеем и Мирмекием, в 0,5 км от Керченского пролива, обычно именуемая Мирмекийской. Памятник раскапывался под руководством В. Ф. Гайдукевича в 1951–1956 годах⁷⁷. Усадьба была вытянута с востока на запад на 55 м и приблизительно на столько же с севера на юг. Она была построена на рубеже IV и III веков до н. э., но своих максимальных размеров достигла позднее в результате двух или трех перестроек. В структуру усадьбы входило около десятка помещений, мощеных дворики и других строительных остатков. В северо-западном углу находились три винодельни, сооруженные в разное время. Одна из открытых здесь цистерн, предназначенная, скорее всего, для хранения вина, имела очень большие размеры — 1,76 × 1,91 м при глубине 4,02 м. Во время ее расчистки были обнаружены обломки человеческого черепа.

Героевка-1. В 1986–1994 годах небольшой отряд Боспорской экспедиции исследовал поселение Героевка-1 на хоре Нимфея⁷⁸. Большой частью оно уже обрушилось в море из-за периодических оползней высокого (около 15 м) участка западного побережья Керченского пролива. Начало его изучению положила И. Т. Кругликова, в 1956–1957 и 1963 году производившая раскопки южной части поселения, где были найдены строительные остатки конца VI — III века до н. э.⁷⁹ Спустя 23 года был заложен раскоп в северной и центральной частях поселения, где мощность культурных напластований достигала 2,4 м. Со временем вскрытая площадь этого археологического памятника составила около 1400 кв. м. В хронологическом отношении здесь удалось выделить несколько строительных периодов, первый из которых датируется послед-

ней третью VI века до н. э. К нему относится землянка овальной в плане формы (4 × 3 м), впущенная в материк на глубину 1,4 м⁸⁰. Ее вертикальные стенки постепенно скруглялись к обмазанному глиной, хорошо утрамбованному полу. Следы очага отсутствовали. В центре землянки находилось коническое отверстие для столба, поддерживавшего кровлю, а в южной части комплекса — вырезанный в материке уступ высотой 0,5 м при ширине 0,8 м, который, возможно, использовался как лежанка. В слое над полом были найдены фрагменты клазоменской амфоры с окрашенным венцом и двумя широкими полосами по тулову, хиосской пухлогорлой амфоры с окрашенным венцом и вертикальной полоской на ручках, а также ионийских чаш с поясками коричнево-красного лака; обломки трех лепных горшков с ногтевыми вдавлениями по краю и верхний камень зернотёрки-«куранта». Судя по стратиграфии культурных напластований, на рубеже VI и V веков до н. э. землянку стали использовать для сброса мусора из возведенных к югу от нее двух наземных сырцово-каменных построек. Рядом находились девять хозяйственных ям, в заполнении которых присутствовали многочисленные прослойки золы и раковин моллюсков. Среди происходящих отсюда находок особого упоминания заслуживает обломок костяного трехдырчатого псаля, относящегося к тем элементам конской узды, которые выходят из употребления в степной Скифии с начала V века до н. э. В связи с этим обращают на себя внимание обнаруженные поблизости два бронзовых псаля, небольшая бронзовая застёжка в виде головы льва и происходящий из раскопок И. Т. Кругликовой акинак с бабочковидным перекрестьем⁸¹. В целом это может свидетельствовать о прямых контактах жителей поселения со скифами.

Никаких разрушений, связанных с окончанием этого строительного периода в конце первой четверти V века до н. э., обнаружено не было. Тем не менее показателем нестабильной обстановки на нимфейской хоре в следующей четверти того же столетия служит возобновление после непродолжительного запустения практики сооружения землянок. Только в последней трети V века до н. э. их сменяет небольшая усадьба со стенами, возведенными на слоевых субструкциях. С ней связаны несколько хозяйственных ям, впущенных в мусорный слой предшествующего времени. В конце первой четверти IV века до н. э. усадьба расширяется (общая площадь составляла, по-видимому, около 1500 кв. м) и укрепляется внешней стеной толщиной 1,4 м с встроенной угловой северо-западной башней. В центре усадьбы находился

⁷⁷ Гайдукевич 1981. С. 55–75.

⁷⁸ Горончаровский 1996. С. 31–32.

⁷⁹ Кругликова 1975. С. 27, 31, 39–42, 126.

⁸⁰ Goroncharovski 2007. S. 579–588.

⁸¹ Кругликова 1975. С. 42. Рис. 11. Аналогичные акинаки конца VI — начала V в. до н. э. происходят из некрополя Нимфея — см.: Грач 1999. С. 74, 100. Рис. 32, 44.

двор, по периметру которого располагался ряд помещений. Из них сохранились всего три. К юго-западному углу был пристроен загон для скота. В начале третьей четверти IV века до н. э. все эти постройки оказались заброшенными. Помещения новой усадьбы, функционировавшей на развалинах предшествующей в последней четверти IV — начале III века до н. э., были пристроены к остаткам внешних стен. При этом они были совсем небольших размеров: 5–8 кв. м. В результате перестройки конца III — первой половины II века до н. э. иначе ориентированными оказались постройки, которые плохо сохранились. Самые поздние строительные остатки обнаружены в южной части поселения. Это небольшая укрепленная усадьба I века до н. э., возведенная из массивных известняковых блоков вторичного использования, а также прямоугольная жилая постройка конца IV — начала V века н. э. с печью.

Поселение Артющенко-1. С 1998 года Бугазский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН ведет систематические раскопки крупного сельскохозяйственного поселения Артющенко-1, расположенного на Таманском полуострове, на обрывистом, сильно разрушающемся берегу Черного моря. В общей сложности в истории этого поселения можно выделить шесть периодов функционирования: архаический, классический, эллинистический, римский, позднеримский и средневековый⁸². Между ними зафиксированы периоды запустения, продолжавшиеся по 30–50 лет. Дискретность в истории сельского поселения, как представляется, определялась, в основном, спецификой военно-политической обстановки степей Северного Причерноморья, когда относительно благополучные периоды сменялись общей дестабилизацией, вызванной продвижением на запад новых кочевнических объединений⁸³. В последнем случае жизнь в небольших незащищенных деревнях была попросту опасной.

В архаическое время (последняя треть VI — первая треть V века до н. э.) Артющенко-1 было сезонным поселением земледельцев, приходивших сюда только на время полевых работ. Их жилищами были небольшие примитивные полуземлянки⁸⁴. Обилие лепной керамики, изготовленной в традициях местных племен территории Прикубанья⁸⁵, позволяет считать, что обитателями поселения были меоты (или синды). В классическое время (вторая половина IV века до н. э.) характер жизни на поселении, скорее всего, не изменился. Во второй половине III — II веке до н. э. произошли значительные перемены, связанные с тем, что на площади поселения функционировала мастерская по обработке железной руды и получению железа⁸⁶.

В римское время (I–III века н. э.) Артющенко-1 оставалось полуварварским поселением, что наглядно проявляется в многочисленных материалах лепной керамики. Чрезвычайно показателен в этом отношении также священный участок, открытый на западной окраине поселения⁸⁷. Любопытно, что на памятнике представлены строительные комплексы, относящиеся к IV веку н. э., то есть к постготскому времени⁸⁸. Некрополь в районе поселка им. Войкова раскапывался Боспорской экспедицией ЛОИА АН СССР в 1953 году⁸⁹. Он был исследован на площади 215 × 75 м, число открытых погребальных комплексов составляет 91. Все они относятся к двум типам: первый — грунтовые могильные ямы, перекрытые деревом или кровельными черепицами, второй можно назвать склепами, использовавшимися для неоднократных захоронений. Это были ямы, схожие с обычными могилами, но более крупные по размерам, стенки их расширялись к дну; с короткой стороны имелся спуск. Перекрытие таких гробниц сооружалось из каменных плит. Погребальный инвентарь состоял из керамических сосудов (простых, чернолаковых и краснофигурных), бронзовых зеркал, бронзовых и железных перстней, железных стригилей, железных ножей и т. д. В могилах были найдены 63 монеты. Суммарно этот некрополь можно датировать IV–III веками до н. э. Открытые здесь погребения, по заключению С. И. Капошиной, следует связывать «с наиболее широкими слоями городского свободного населения, но не беднейшей его части»⁹⁰.

Грунтовый некрополь Артющенко-2 расположен в южной части Таманского полуострова на берегу Черного моря, примерно в 15 км к юго-востоку от станицы Тамань. Он был обнаружен летом 2002 года, а со следующего года Таманский отряд Боспорской экспедиции ИИМК РАН приступил к его систематическим раскопкам⁹¹. Площадь некрополя, вероятно, достигает 20 000 кв. м. В 2003–2019 годах исследования проведены на 5430 кв. м, где обнаружено 208 погребений. Материалы, полученные в ходе раскопок некрополя Артющенко-2, позволяют сделать некоторые выводы о его особенностях, погребальном обряде и датировке исследованного участка. Можно заключить, что некрополь функционировал в V–II веках до н. э. Самые ранние комплексы датируются концом VI века или рубежом VI и V веков до н. э. Значительная часть погребений относится к V–IV векам до н. э., еще часть комплексов — к III–II векам до н. э. Несколько самых поздних погребений относится к IV–V векам н. э., но пока не понятно, случайны ли они в данном некрополе.

Здесь были обнаружены погребальные сооружения нескольких основных типов конструкций:

⁸² Виноградов 2013-I; Виноградов 2018.

⁸³ Виноградов 2009-II. С. 68–85.

⁸⁴ Виноградов 2002-I.

⁸⁵ Виноградов 2006-I.

⁸⁶ Виноградов 2010-II.

⁸⁷ Виноградов 2017-VI; Виноградов 2019-I;

Виноградов 2020.

⁸⁸ Виноградов 2011.

⁸⁹ Капошина 1959.

⁹⁰ Там же. С. 145.

⁹¹ Кашаев 2009. С. 188.

сырцовые гробницы, грунтовые погребения с деревянным, каменным или древесно-сырцовым перекрытием, простые могильные ямы без перекрытия, подбойные погребения и захоронения младенцев в амфорах⁹². Анализ погребального инвентаря выявил основной набор входивших в него предметов: «сосуд для вина» — амфора, ойнохоя, кувшин; «сосуд для пищи» — миска, чернолаковая чаша на ножке, миска-одноручник; «сосуд для питья» — чернолаковый килик, скифос, канфар. В мужских захоронениях помимо основного набора найдено оружие — мечи, копья и стрелы; предметы для застолья — бронзовые ситечки и черпаки (киафы), предметы конской упряжи — ворворки, пряжки; орудия труда — ножи, шилья, иглы. Инвентарь женских могил дополняли украшения — подвески, бусины; орудия труда — ножи, иглы, веретёна; зеркала; косметические принадлежности⁹³. В настоящее время некрополь Артющенко-2 является одним из наиболее изученных и показательных памятников подобного рода на Таманском полуострове. В силу ряда объективных причин интенсивность раскопок памятников Боспора Киммерийского, проводимых специалистами ИИМК РАН, в начале XXI века заметно снизилась по сравнению с предшествующим временем. Есть надежда, однако, что такое положение еще можно изменить к лучшему.

⁹² Кашаев 2010. С. 88–96.

⁹³ Там же. С. 230.